

В сборнике Бунина “Под Серпом и Молотом” писатель приводит эпизод, произошедший в начале апреля 1917 года в Петербурге на выставке финских картин. Там Маяковскому с компанией захотелось похулиганить. Он перебивал выступавших, ел из их тарелок и, вообще, всячески нарывался.

Бунин вспоминал: “...тотчас началось дикое и бессмысленное неистовство и в зале: сподвиж-

Андрей
КАНАВЩИКОВ

ники Маяковского тоже заорали и стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать. И вдруг всё покрыл истинно трагический вопль какого-то финского художника, похожего на бритого моржа. Уже хмельной и смертельно бледный, он, очевидно, потрясённый до глубины души этим излишеством свинства, стал что есть силы и буквально со слезами кричать одно из русских слов, ему известных:

— Много! Много-о! Много-о!

Часто, если не практически постоянно, подобный истеричный клич “Много!” проходил сквозь нитку и через жизнь, а также творческую биографию Евгения Евтушенко, который окончил-ся на 85 году жизни в американском городе Талса (штат Оклахома) 1 апреля 2017 года. Евгений Александрович жил не просто ярко, но именно бурно и буйно. Вёсь на виду, весь в софитах, модный, видный...

Даже в том, что его сердце остановилось именно в День смеха, видится некая предопределённость, некая часть какого-то ещё несформулированного до конца шоу. Евтушенко весь — боевитость, весь — порыв, фейерверк, постоянная заточенность на внешний ряд событий, неумоимость и принципиальное отсутствие тормозов.

Не случайно без него не обошлось и печально известный “Апрель”, движение-могильщик всего советского, движение-гриф, движение-коток, после которого отечественная литература представлял собой заасфальтированную площадку, где расти что-то может только вопреки, а не благодаря.

Тимур Пулатов вспоминал о том безумном времени в “Нашем современном”: “Утром следующего после краха ГКЧП дня на территории Дома творчества в клетчатом пиджаке и кепке английского покроя горделиво вьехал на велосипед Евгений Евтушенко. Сделав несколько победных кругов вокруг топящихся во дворе литераторов, обсуждающих аресты и самоуправления “путчиков”, он, по натуре тревожно сосредоточенный на ощущении собственного величия, тем не менее, старался изобразить лёгкость и любезность в разговоре со всё ещё обескураженными происшедшими событиями “собратьями по перу”. (...) Евтушенко повелительно бросил кому-то:

— В двенадцать в “большом” Союзе собирается гкачепистский оргкомитет. Тут мы их всех и накроём...”

Хорошо, что всё когда-то заканчивается. Закончился однажды и “Апрель”. Евгений Александрович органически не мог быть в тени. Даже в преклонном возрасте, даже потеряв правую ногу, он мечтал о крупном юбилейном туре по России, Белоруссии и Казахстану. А, понимая, что в каждый момент может умереть, взял 29 марта с генерального продюсера Сергея Винникова слово, что его юбилейные вечера в Большом зале Консерватории и Кремлёвском дворце обязательно состоят-ся в любом случае.

Колоссальная энергия и воля к жизни! Из его четырёх детей — все мальчики. Пятый Пётр — приёмный, но тоже мужского пола, художник, и темпераментом под стать родным детям, жаль, что умер в 2015 году в московской психбольнице.

Нередко путь Евгения Евтушенко сопровождали скандалы и бурные выяснения отношений. Чего стоит хотя бы одна история “Бабьего Яра”. После публикации в “Литературной газете” 19 сентября 1961 года поэта публично обвинил в воровстве его стихов Юрий Влодов (Левицкий, 1932–2009).

*Над Бабьим Яром памятников нет.
 Крутой обрыв, как грубое надербые.
 Мне страшно.*

*Мне сегодня столько лет,
 как самому еврейскому народу.*

Кого-то другого эта история могла и похоронить напрочь, поставить крест на дальнейшей творческой карьере. Но Евтушенко всегда было настолько “много-о!”, что история с Влодовым оказалась в глазу Евгения Александровича лишь маленькой соринкой, которую он сморкнул и, кажется, сам не заметил.

Евтушенко писал всё, всегда и обо всём. Ругал Сталина и хвалил Сталина, рифмовал всё, что видел и не видел, его лира пела и “беструсовочек-трассовочек”, и партийный билет с какой-то одинаковой страстностью. Причём, малейшая искра вдохновения порождала целые поэмы, многословные, бурлящие, словно река в половодье.

*Платье где-то лопнуло,
 бусы — в грязь,*

*и на место Лобное
 вничука взорбалась.
 Где стоял ты, Стенька,
 возле палача,
 абитуриентка
 пляшет ча-ча-ча.*

Это из “Братской ГЭС”. А за поэму “Мама и нейтронная бомба” в 1984 году поэт получил Государственную премию. Вообще, по умению слагать длиннейшие поэмы, откинувшись на злобы дна, Евтушенко — непревзойдённый мастер. Здесь его никто не превзошёл

С серёжкой ольховой...

и вряд ли когда-либо превзойдёт. То, что для другого поэта может быть неким разовым озарением, духовным прорывом, плодом многолетних трудов, у Евгения Александровича получалось легко, почти само собой, без видимых усилий.

Художественная публицистика от Евтушенко за десятилетия стала своего рода его брендом, авторским знаком. Причём, очень часто написанное, действительно, было высокой поэзией с нервом и чувством, а не просто графоманским набором рифм.

Так, поэма Евтушенко “Во весь рост” о Матросове, которую он трижды с 1969 года переделывал, до сих пор остаётся лучшей поэмой о герое, открыто превосходя энергией и масштабом даже “Александра Матросова” Семёна Кирсанова, поэму крепкую, но суховатую по многим позициям, слишком обычную, что ли.

*Пусть в человеке часто разность,
 всякость —*

Матросовым воеки не иссякнут.

Среди исканий, споров и работы

они идут невидимо на доты,

и нас в толпе толкают временами

Матросовы не узнаемые нами...

Причём, Евтушенко с одинаковой страстностью и жаром готов был откликаться на что угодно, без оглядки на громкость имён или обстоятельств. Он легко воспеменялся, ярко горел, полностью перевоплощаясь в героев своего повествования, становясь ими, превращая литературу в факт живого диалога со временем.

Казалось бы, живёт человек в США. Его в местном университете восторженно любят. У него самая большая учебная аудитория, ему разрешают самому определять время и темы своих лекций. А неутоманный Евтушенко вдруг посвящает свои очередные стихи мейдстеру из Макеевки, зверски убитой украинскими карателями в ходе так называемой АТО:

Кусками схоронена

Я, Прохорова Людмила.

Из трёх автоматов струя

меня расскла, разломла.

Ему впору забронзоветь, уйти в высокие материи, составлять на досуге “Строфы века” и лишь как должное воспринимать любовь американцев из Талсы, а он из своей золотой клетки продолжал говорить о боли за распад СССР, о войне в Новороссии.

Это иногда казалось фантаσμαгорией. Житель США Евтушенко, которого в иных кругах иначе чем Гангуном и не величают, по фамилии отчима, больше болел за боли России, чем иные коренные русские с вполне даже правящими фамилиями.

*Не шестидесятники-поэты,
 а за лицемером — лицемер*

объявляли собственной победой

роковой развал СССР.

Разве ты, искусство, разучилось

наз обобщать? Я не пойму,

как стране Шевченко приключилось

с пушкинской строкой вести войну?

Впрочем, не поэтической публицистикой единой... Если бы поэт Евтушенко был бы силен лишь своими злободневными откликами на те или иные политические телодвижения, то большого признания читателей ему добиться бы не удалось.

Тот же Роберт Рождественский на поле гражданственности Евгения Александровича всё-таки в большинстве случаев переигрывал.

Гораздо важнее и серьёзнее то, что Евтушенко всегда умел разговаривать с людьми и понимать их. И даже публицистика никогда не превращалась у него в некую холодную самоцель, некий “профессионализм”, не отменяя собственно лирики и не затеяя её.

“Со мною вот что происходит?”. По-

искать надо другого поэта, который буквально с первой строчки мог бы вот так зацепить внимание и цепко удерживать его до конца. Что происходит? Почему?

Евтушенко вспоминал в сборнике участников Международного фестиваля поэзии на Байкале о своём выступлении 1995 года в Перми. Классическое время, когда поэзия даже по мнению иных пишущих “стала ненужной”: “Я начал читать. А дождь между тем ударил вовсю. Но что-то случилось. Поклонники Шуфутинского, Тока-

рева, Киркорова, Газманова, поливаемые дождём, облепленные собственнй мокрой одеждой, стояли, как вкопанные и слушали. Они поняли, что эти стихи и про их тоже. Мне особенно запомнилась одна веснушчатая девушка — она стояла у самого края эстрады, положив на него подбородок и её глаза, полные дождём, были серьёзными-серьёзными, надеющимися.

Дождь, как по волшебству, стал постепенно успокаиваться, стихать, наконец, совсем прекратился, а никто не уходил. Я закончил выступление, и вдруг увидел, что подбородок той девушки всё ещё остаётся на краю эстрады, а глаза продолжают смотреть на меня, ожидая чего-то, может быть того, чего я ещё не написал...”

Воспоминания Евтушенко можно ревниво списать на его привычное самолюбование. Дескать, пытается придумать себе антураж. И, действительно, “веснушчатая девушка” выглядит уже как перебор, обычное излишество стиля. Но зато во всём остальном спорить не приходится!

Евтушенко до самозабвения любил поэзию, умел читать стихи и его, в самом деле, всегда слушали. На него люди шли, даже когда не шли на других. Почему? Не потому же только, что поддавался рекламе? Конечно, нет.

В стихах Евгения Александровича предельно симпатичны бесконечное чувство жизни, молодости, свежести, постоянной распахнутости, постоянной готовности на местоимение “я”.

Смесь —

в траву, стянуть рубашку с тела,

припасть к воде на горном берегу

и вдруг понять,

как мало в жизни сделал,

как много в жизни сделать я могу.

В его ранних стихах есть такой персонаж, как парень, который прорывает-ся что-то окружающим сказать. Парня буквально распирает его жажда диалога, общения. Вешняя вода подступает к горлу. “Граждане, послушайте меня!”. И совсем рядом, прямо на глазах читателя растёт тревога обмануте ожидания, подвешти, не выдержит ноту.

Вдрус вся песня, в общем-то, мелка,

вдрус и нету ничего в ней, кроме

этого мучительного, с кровью

“Граждане, послушайте меня!”.

Неоспоримый плюс Евтушенко ещё и в том, что до самых своих последних стихов он постоянно помнил о том внутреннем выборе и совсем по-юношески боялся сфальшивить. Думается, и фальшивил часто он именно потому, что не мог побороть именно этот страх фальши, который всегда шёл рядом с ним и заставлял задумываться даже, когда это делать было уже не по чину и не взыросту.

Но зато, если душа по-настоящему пела и нужды очередной семьи не требовали новой поэмы подлиннее, то в стихах Евтушенко возникало истинное таинство поэзии, которое заволаживало, пьянило и поднималось вместе с читателем до классических высот.

Серёжка ольховая,

лёгкая, будто пуховая,

но сдунешь её —

всё окажется в мире не так,

и, видимо, жизнь

не такая уж вещь пустяковая,

когда в ней ничто

не похоже на просто пустяк.

Серёжка ольховая

выше любого пророчества.

Тот станет другим,

кто так тонко её разломил.

Пусть нам не дано

изменить всё немедленно,

как хочется, —

когда изменяется мы,

изменяется мир.

Есть ли натяжка в том, что Евтушен-ко будет похоронен рядом с Пастернаком? Вряд ли. В черновиках “Доктора Живаго” встречается замечание: “Как он любил всегда этих людей убеждения и дела, фанатиков революции и религии! И как никогда, никогда не задавался целью уподобиться им и последовать за ними”.

А ведь и Евтушенко мог бы сказать что-то похожее. При всём своём мелькании и многообразии, бунинском “много-о!” он всё-таки всегда оставался где-то выше и сбоку привычных измерений. Выгляда со стороны фанатиком, он всегда был готов на противоположность самому себе.

Так что и эта его посмертная воля, про Пастернака, не столько нахальное желание вернуться в Россию к своему учителю, сколько всё-таки трезвое понимание сделанного им и собой. Главное — серёжку ольховую не сдуть нена-роком.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Сергею Чупринину —
 главному редактору журнала “Знамя”

Здравствуйте, Серей Иванович! С начала 90-х годов читаю публицистику, дневники и воспоминания многих столичных толстых журналов, но не перестаю удивляться позиции вашего “Знамени”. И вот теперь решил высказаться по этому поводу. Толчком к написанию настоящего письма послужили рассказы израильских репатриантов в интернете. Бывшие наши соотечественники при оформлении гражданства Израиля учат не только язык, но и постигают духовные ценности новой страны проживания. Существует целая система курсов и консультаций, где специалисты объясняют: на каких идеях, традициях (со знаком плюс!) строится израильское общество. Это жизненно необходимо. Репатриант мо-

удивлённый иностранцу переполненные иронией и сарказмом материалы из либеральных журналов? Произведения, в которых авторы мучаются самим фактом своего проживания в России и вымещают свою досаду на читателях. Как ориентироваться репатрианту в наших ценностях? У него голова пойдёт кругом. Многие понятия перевернуты, оценки событий поражают своей противоречивостью. Взять хотя бы ваши воспоминания под названием “Вот жизнь моя” (№11-2014).

Там описываются события второй половины 1970 годов. В отделе пропаганды ЦК КПСС со времён А.Н. Яковлева “окопались прогрессисты, ко всему национальному относившиеся с подозрением...”. Это в правящем политическом органе страны, в которой семьдесят процентов населения считали себя русскими!

В воспоминаниях сообщается, что

Смените пастинку, господа!

Валерий
СКРИПКО

жет в будущем стать солдатом, научным сотрудником, заняться любым другим делом, где лучшим стимулом творчества является забота о престиже своей страны. Чтобы жить в ладу с согражданами, он должен любить страну проживания, всё делать для её блага. Так же ответственно подходят к гражданству в любом жизнеспособном вменяемом государстве.

Теперь, давайте, представим себе иностранца, который решил стать гражданином России. Вообразим, что его направили изучать идеалы своей новой родины по материалам, опубликованным в журнале “Знамя”?

Стал бы иностранец патриотом своей новой родины — России, после изучения статей вашего журнала? Сомневаюсь! Возьмём самый свежий пример: художник Борис Заборов в своих воспоминаниях — двуглавый орёл-символ Российской империи — называет “орлушей!” (№3-2016)

Ума не приложу — как будет защищать ворота футбольной сборной нашей страны ставший гражданином РФ бразилец Гильерме, если ему объяснят, что у него на майке не герб, а “орлуша”?

В идее патриотизма, как и в идее государственности — нет ничего “лишнего”, ничего несерьёзного. Это общие идеи самосохранения всего тела страны, которые должны присутствовать в каждой клетке этого тела, то есть в каждом человеке. Атрибутами этих идей являются — флаг, гимн, и герб! Стоит только перестать уважать хотя бы один из этих атрибутов, как всё “государево тело” рассыпается на несвязанные друг с другом клетки. Уничтожается сама идея такого объединения.

Но как внушить эту истину авторам многих мемуаров в вашем журнале — этим духовным эмигрантам, будущим и бывшим? Для них наши жизненно важные вопросы организации общей жизни — это только угроза их личной свободе! Значительная часть авторов “Знамени” учит нас какой-то абстрактной демократии. Все их рекомендации никак не вяжутся с русским менталитетом, противоречат ему, вызывают отрицательные последствия при внедрении всех “демократических” рецептов в социальную практику.

По тону выступлений видно, как этим “эмигрантам” одиноко. Им живётся даже хуже, чем цыганам. У тех хоть родной табор есть, а эти сами по себе везде и всюду, и везде им плохо!

Но подобных мук явно не испытывают те, у кого есть духовная родина!

Чему учат репатрианты израильские преподаватели? Они рассказывают о героической борьбе израильского народа, они рекомендуют ему почитать тексты своих писателей-патриотов. Например, прозу Меира Шалева, который слово Страна — применительно к Израилу — пишет с большой буквы.

Замечу, Сергей Иванович, что этот израильский писатель — практически наш с вами ровесник! Ему скоро семьдесят. Он вдохновляется образами родной истории, библейскими сказаниями. Вас не удивляет: почему быть патриотом в Израиле — это священный долг, а для либеральных соплеменников Меира Шалева, проживающих в России, — эта гражданская позиция не только не обязательна, но часто осуждается и решительно отвергается? С чего бы это? Разве политические методы и способы образования жизнеспособных сильных государств — не одни и те же по всему миру?

Методы одни, но это когда есть цель — создать сильное процветающее государство. Сомневаемся, что в этом цель авторов “Знамени”! Они так увлеклись борьбой с “советизмом”, с “красными”, что в пылу борьбы — обцепляя идеи патриотизма и государственности забраковали как негодный коммунистический “бренд”, который на пользу только их идейным противникам из КПРФ и русским националистам. С “водой” своих статей за демократию “выплеснули и ребёнка” — 70 процентов населения, которому не предложено никаких мобилизационных проектов развития государства и общества.

Даже такой яркий представитель европейской литературы, как писатель Мишель Уэльбек, в 2011 году пробовал “образумить” коллег, которые слишком увлеклись личной свободой. Он написал: “любое искусство, как и любая наука — это способ коммуникации людей”. (“Человечество, студия 2”)

У нас в России — значительный слой интеллигенции забыл об этом. У нас демократические, либеральные издания, получившие возможность массового распространения своих идей, заняты не созидательной работой по сплочению общества, а “вырыванием корней советизма”. Тянут, потянут, а вытянуть не могут. Потому что это очень крепко эти корни вросли в родную почву. Они тянутся из крестьянской общины, из новгородского вече, и дальше в глубину веков!

Что предложил бы воображаемому репатрианту — будущему гражданину России — либеральный учитель из России: книги Лескова? народные былинны? картины Нестерова? Нет, он, наверняка, предложил бы

главный редактор самой большой и влиятельной в СССР “Литературной газеты” А.Б. Чаковский был враждебно настроен к писателям-“деревенщикам”. Это к тем, кто боролся за сохранение наших национальных корней.

Не трудно представить, какой стресс испытывают люди, которые хотели бы полюбить свою новую родину, и которые “вразумляют” подобным образом. Наверняка, не получили бы полноценный гражданин Израиля из репатрианта, если бы его “просвещали” и приобщали к новой родине подобными текстами. Если бы во многих израильских СМИ сидели странные существа — местные космополиты, ко всему национальному, то есть израильскому, относившиеся с подозрением!

Этот абсурд в России возможен! Климат что ли другой? Наши интеллигентные-космополиты везде пытаются доказать, что мы хуже, чем есть на самом деле! Откройте наугад любой журнал, например “Вокруг света”. Перед вами статья В.Шубинского. Из неё выясняется, что гордость нашей нации — Михаил Васильевич Ломоносов университет не открывал (это сделал Шувалов), закон сохранения массы тоже не его заслуга! Оказывается, это сделали совсем другие люди ещё в древности. (№11-2011)

Можете взять ещё ряд научно-популярных, познавательных журналов. Везде то же самое — опусы, подобные статье В.Шубинского, и с такими же нерадостными умозаключениями. Целенаправленно идёт “игра на понижение” — в разных формах с использованием самых негодных приёмов. Везде торжественность восприятия атрибутов государственности, которые дают духовную силу любому гражданину страны, не жалея жизни, защищать эту страну, незаметно подменяют смехом и иронией. Оплошуют до анекдотов. В себе-то интеллигентные-космополиты прячут что-то (для себя) святое. Это многие из них доказали, добровольно отправившись воевать с арабами на Синайский полуостров, где проявляли храбрость и стойкость. Но — это на своей родине, которую они признали настоящей, единственной! И стали надёжными бойцами, отважными военными корреспондентами. В го-лосе, при ведении телерепортажей, появился пафос! В глазах — воодушевление от ощущения себя частью своей страны!

В России — наша героическая история их не вдохновляла. Русский патриотизм пугал, а в лучшем случае, не увлекал! Чаще всего получалось нискоходительно иронизировать, смеяться.

В фильме “Покровские ворота” авторы используют неблагозвучность фамилии поэта Хераскова, чтобы сделать смешную сцену: “Это просто какой-то Херасков!” — говорит Костя, видя любовные страдания Беловорова. Но ведь “какой-то Херасков” — на самом деле — гордость России! Михаил Матвеевич Херасков был создателем неофициального гимна Российской империи, директором Московского университета и автором многих преобразований в этом университете. Его дом на Тверском бульваре был центром литературной жизни Москвы.

Причины иронии режиссёра фильма как-то понять можно. Михаил Козаков (вечная ему память) не смог настроить себя на пафосную волну по отношению к героям русской истории.

Каждому своё! Но были всегда среди российской интеллигенции творческие люди, которые осознанно, последовательно любыми изобразительными средствами стремились спрятать, осмеять, исказить всё, что работает на подъём русского патриотизма. Эта настоящая, повседневная работа по всем направлениям нашей культуры и искусства, продолжается “пятой колонной” и по сей день. В неё вовлечена и часть интеллигенции, у которой, казалось бы, не должно быть комплекса эмигранта — ни по происхождению, ни по воспитанию. Но они словно переродились! И тайна сия необъяснима. Одному Воланду известно, что заставляет подобных авторов “Знамени” подпевать “внутренним эмигрантам” России. Откуда такая общность литературных вкусов и пристрастий с писателями, которые, мягко говоря, ко всему русскому национальному относятся с недоверием? И во имя чего всё это проповедуется?

Если мы хотим создать свободное демократическое государство для большинства, то организаторам и идейным вдохновителям этого великого дела надо обязательно учитывать национальный характер этого большинства, его вкусы и предпочтения, его законсервированный “советизм”. Вместо этого мы видим органы власти, где руководители только мёртворождёны по найму, видим чисто корпоративную, “местечковую” литературу для “своих”!

В библиотеке общества “Мемориал” насчитывалось 30 тысяч книг. Наиболее полно там представлена литература по истории репрессий, история коллективизации и голода, история инкомыслия. (Записки о самоиздате. Москва, 2012 г.)

В кого собирались превратить деятели “Мемориала” 140 миллионов наших

граждан. В одного коллективного “Фому неверующего”? В злобного, мстящего власти за своё прошлое маргинала? Но ведь таким народом невозможно управлять! А пятая колонна мечтает и пытается управлять российским большинством в своих интересах.

Упомянутый уже в письме ваш автор Борис Заборов сетовал, что зполученные “корни советизма” не удалось вырвать “из тела России” исключительно потому, что “наше поколение оказалось хилым, с гнильцой... в междоусобных, жалких амбициях”.

Странное у этих “эмигрантов” мышление. Собираются на такое большое дело, даже не пытаясь увлечь за собой большинство. Какую общественную духовную революцию можно подготовить и провести в либеральных междусобойниках, с непомерными амбициями, с едва два скрываемым презрением к маргиналам, к которым они

готовы приравнять практически всё население России, кроме Москвы и Санкт-Петербурга? Так можно только повторить на новом историческом витке судьбу богемы Серебряного века с шампанским и красивыми речами.

Но богемы — истории не делают. Слишком узок круг их интересов. Слишком однообразны они в своих пристрастиях и вкусах.

Авторы “Знамени”, “Нового мира”, и других изданий подобного же направления — гордятся самостоятельностью суждений, независимостью от официальной государственной идеологии. Но что самое удивительное: они же проявляют поистине “стадное единодушие” и “партийную дисциплину” в вопросе кем восхищаться и кого воспевать! В публицистике, в мемуарах все цитаты — как под копирку. Все осуждения — как по команде. Все оценки можно предгадать заранее! В советское время даже у партийных работников было больше свободы.

Вот, например, в своём романе “Ветер и песок — 2” Наталья Иванова пишет, как она побывала на одном литературном вечере под названием “круг чтения”, и как удивилась: русские актеры, писатели что-то вешали весь вечер, но ни разу не упомянули имя поэта Мандельштама! (Этo сейчас для либеральных авторов так же обязательно, как в советское время ссылки на решения съезда или пленума ЦК КПСС в любой научной работе, даже если её предмет — неорганическая химия.)

И так во всём. Идёт ли автор по улице большого города, участвует ли в литературных вечерах, комиссиях, творческих встречах — везде его сознание делает строгий отбор. Как придирчивый повар делает выбраковку не кошерных продуктов. В своей словесный “салат” своего либерального произведения любой либерал шинкует строго определённые ингредиенты: в “салат” обязательно будет “нашинкован” Иосиф Бродский. В любом виде. В виде сравнения с Бродским. Ссылкой на него. С упоминанием о нём в любом контексте — к месту и не к месту. И на завершающем этапе приготовления — всё литературное блюдо всенепременно должно быть густо пересыпано ссылками на Мандельштама или Пастернака.